

## Часть 5. «Командировка» на войну

С утра в кассах городского агентства Аэрофлота гвалт стоял такой, что как говорят, уши вяли! Возмущение людей понять было можно – уже какой день рейсы: то один, то другой – то отменяли, то переносили! Что произошло – никто не говорит. И раньше в «голофлоте» был бардак, ну а ныне - вообще какой-то беспредел! Извинения «от имени Аэрофлота» на людей, отстоявших еще затемно при кострах в длинных очередях, сумевших все же заказать авиабилеты и так «пролетевших», никак не действовали.

Вадим с трудом протиснулся сквозь гудящую толпу от единственного обслуживающего окошка кассы, высоко над головой держа руку со стопкой паспортов и вложенных в них билетов. У входа в тревожном ожидании стояла вся группа: сотник Владислав Смолин, есаул Вячеслав Лекарев, хорунжий Борис Будун, сотник Иосиф Брагиневич, хорунжий Александр Ивахно, вахмистр Александр Шляхтуров, казак Александр Куликов.

- Все-таки, блат – хорошая штука!.. Лида всю «бронь» для нас сняла, - выдохнул Вадим, подойдя к группе и раздавая паспорта с билетами. – Вылетаем завтра – двадцать первого. Но гарантированно – только до Иркутска. Это все, что можно было сделать... Сейчас буду звонить Меринову, он уж по своим каналам решит, как нас побыстрее в Москву отправить...

Перед тем, как разойтись, обговорили встречу на следующее утро. У храма и с вещами. Но в этот день Влад, Славка и Вадим до самого вечера были вместе. Сходили к отцу Александру, посетили на кладбище своих родных, съездили в лагерь, где отдыхала их детвора – попрощались. Детям не говорили, в какую «командировку» едут их отцы – они ничего не знали. Жены знали. Хоть и тревожились, но друзья чувствовали: их «половинки» так до конца и не осознавали, что может ждать их мужей там – на Днестре. Пугать их и не думали, наоборот – старались вселить в жен уверенность, что все будет хорошо...

Вадиму не нужно было прощаться с «половинкой» – так сложилось, что почти полгода как он, ещё официально не разведённый, фактически холостяковал. Он с улыбкой вспомнил прощание с матерью. Накануне его отъезда она тоже уезжала. В отпуск – навестить родню в Екатеринбурге. Мало интересовавшаяся политическими событиями, она совершенно не обратила внимания на сказанные сыном слова о скором отъезде в Приднестровье, видимо посчитав это его очередной коммерческой командировкой... Что это за «командировка», Вадим не стал говорить – зачем мать держать в тревоге?

**Приднестровье: ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА. «Днестровская правда», 19 июня 1992 г., N137 (7824).**

*«Дубоссары. Днем в четверг обстановка была нормальной, но в ночь на пятницу по всей фронтовой линии начался огонь из пулеметов, минометов, стрелкового оружия. На Кошницком направлении ранены два казака.*

*Григориополь. В ночь на 19 июня правый берег открыл огонь по позициям гвардейцев на Дороцком направлении.*

*Бендеры. Обстановка остается нормальной».*

...Этот летний вечер не предвещал никаких тревог. По подоконнику лениво барабанил теплый дождик. «Дождь в дорогу – к удаче. Интересно, а какая там, в Приднестровье, сейчас погода? Жарко, наверно. Юг всё-таки...», - так, ни с чего, подумал Вадим. В опустевшей квартире, собрав в дорогу сумку, приготовил себе незамысловатый ужин, включил телевизор – сейчас программа «Время» начнется...

«Господи!.. Что же это?!» – будто пронзенный током, Вадим подскочил к экрану, моментально почувствовав мощный удар крови в голову, по спине пошли мурашки... Схватил трубку телефона.

- Влад!!! – прокричал он. - Ты видишь?! ...Как что?! Телевизор включи! «Время»!.. Вечера вечером Бендеры захватили! Отдельные группы бьются в окружении!.. Город горит, блокирован

румынами! Теперь видишь?.. – В трубке слышно было только тяжелое дыхание Смолина – он уже всё видел...

Стоя перед экраном, сжав кулаки, Вадим почувствовал, как предательски подкатывается ком к горлу... Панораму, лежавшего за рекой, в многочисленных клубах черного дыма города, оператор центрального телеканала снимал из-за какого-то укрытия с кручи левого берега. Монотонный, лишенный каких-либо эмоций, голос диктора ЦТ шел поверх и сквозь непрерывный гул близкой канонады, взрывов, треск очередей... Вот мост через Днестр. На том его конце у въезда в Бендеры сквозь сизую дымку прорываются яркие вспышки. «Румынские орудия стреляют, - понял Вадим, - по левому берегу и мосту»... На автомобильном мосту были видны в клубах черного дыма, поднимавшегося столбами вверх, два огромных костра – горела какая-то техника... Оператор поменял свою позицию. Теперь на экране были видны бойцы – в камуфляже и «по-гражданке», короткими перебежками пересекающие какой-то пустырь перед мостом... Вот пробежали двое в лихо заломленных набок фуражках – казаки! И тут крупным планом - в наспех отрытом на берегу окопчике лежит и стреляет из ручного пулемета казак, одетый как на парад: в гимнастерке, перехваченной портупеей, в сапогах, голубой околыш фуражки, голубые лампасы на темно-синих шароварах – оренбургский казак?..

...Ни тишина раннего утра, ни свежесть только что прошедшего дождика, ни тепло яркого солнца и щебетанье пичуг – ничто не радовало, или просто не замечалось.

В оговоренное время казаки, одетые в дорогу «по-гражданке», встретились у храма. Пришли одни, без родных, близких. С ними они спокойно простились дома, мало ли – вдруг здесь да сыграют нервы. А у казаков издревле есть потаённое поверье: провожают со слезами – будет плохо. И жены их об этом знали. Кроме отъезжающих, подошли и другие казаки. Пришел атаман станицы. Сдержанно поздоровались крепким рукопожатием. Суровые лица, хмурый взгляд покрасневших глаз – мало кто спокойно спал прошедшей ночью. Но в глазах стояла злость! Каждый воспринял произошедшее в Бендерах, как личную трагедию, как оскорбление, как вызов, брошенный в лицо!..

Пришедшие в храм немногочисленные прихожане, еще перед началом службы узнавшие о проводах казаков, молча пропустили вошедших вперед, с интересом и вопрошающей грустью заглядывая им в лица... Только где-то у стенки старушка прошептала кому-то: - Наши казаки на войну едут...

Отец Александр знал, что им уже пора в дорогу. После короткой молитвы каждому из казаков батюшка вручил охранный пояс – древний православный оберег с охранительными молитвами, защищающий от бед и несчастий, иконку Божьей Матери и «раскладушку» с псалмом 90-м Святого царя-воина Давида «Живый в помощи», или, как говорили в простонародье – «Живые помощи солдата», который читают во время бедствия и при нападении врагов:

***«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...»***

- Читайте его, и Господь с Богородицей, святые угодники Божии защитят, не оставят вас. Вся история Земли Русской показывает, что ни одна победа русского воинства не обошлась без Их помощи...

Суров и возвышен был дух и тон его короткого напутствия. Сдержан, горд и немногословен – как отец, провожающий в бой своих сыновей, лишь блеск в глазах выдавал душевное состояние отца Александра.

- Ну, с Богом!..

Спеша на автобусную остановку и, остановившись на миг, чтоб еще раз взглянув на родные купола, осенить себя крестом, казаки увидели у ограды храма вышедших проводить их прихожан, казаков и отца Александра...

- ...Ждём вас! ...Со щитом!

- Прощайте! Не поминайте лихом!..

Лишь через много дней, когда казаки группы вернулись из своей «командировки», узнали, что пока их не было дома, каждый день в храме начинался и заканчивался молебном о

«даровании русскому воинству победы на сопротивных», о спасении и их здравии. Всё это время, признались друг другу и батюшке, они чувствовали невидимую поддержку и защиту.

## **И. Кушелев, подполковник, военный журналист, член Союза писателей России.**

*«...Добровольное следование на войну – высшее проявление совестливости. Ясен путь того, кто открыто идет вслед за Христом. Впереди много трудностей, зато в сердце – понимание неизбежности происходящего, а от этого – ощущение собственных сил и Божьей помощи. Жизнь дана человеку как испытание на его пути к вечности, и доброволец их принимает.*

*Радость тому, кто идет на войну с открытым сердцем, по совести! Впереди – счастье фронтовых дорог и боевого братства. Вернется с войны – всю жизнь будет вспоминать её как лучшие годы судьбы, ибо чист был, не поступился совестью, не струсил. А погибнет – будет светло взирать на землю с небес. И вечное ему счастье!»*

...В этот воскресный день управа Иркутского казачьего войска встретила прибывшую группу какой-то скорбной тишиной и непривычным безлюдьем во дворе – лишь суточный наряд на входе.

- Атаман у себя в кабинете. Вас там ждут, - дежурный офицер сделал шаг в сторону, - проходите.

Меринов был не один. Навстречу вошедшим казакам с приветствием поднялись из-за стола и походный атаман войска полковник Шелохов и, хорошо знакомый иркутянам Александр Турик - патриот и общественный деятель, редактор газеты «Русский ВостокЪ».

Атаман говорил в своей обычной манере – тихо и размеренно. Его короткая речь была и напутствием, и инструктажем. Но Вадим чувствовал какую-то недосказанность в словах, да и в глазах рядом сидящих с ним, стояло что-то непривычное, странное...

- И вот еще что... – Меринов как-то неуверенно обвел взглядом всю группу казаков, остановился на Вадиме. – Найдешь через штаб Черноморского войска Сашу Бальбуциева – старшего нашей группы, передай ему мой приказ: кто-то из них – пусть сам решит кто – должен вернуться в Иркутск... - Меринов на секунду замолчал, и как выдохнул: - ... Сопроводить «груз 200»... Сегодня утром пришла телеграмма из Тирасполя...

Атаман развернул, лежащий перед ним на столе, лист бумаги, прочитал:

- «Сергеем несчастье. Ждем родственников. Саша». - И подняв взгляд, добавил: - Расшифровываю: там, в Приднестровье, из иркутских казаков только один Сергей – Васильев, «несчастье» – значит он погиб, «ждем родственников» – значит, положение очень трудное, казаки помощи ждут...

- А ведь третья группа... - атаману стало трудно говорить. - ...Их там четверо было... - у него вздрогнули желваки. - Всего несколько дней как туда уехали... на помощь группе Бальбуциева... – Меринов встряхнул головой. - По сему, ещё одна формальность, неприятная и вынужденная. Вобщем, напишите сейчас записки, если вдруг... если кого из вас... то... кого и где похоронить, – наконец-то сказал он – как выдохнул. И уже внимательно посмотрев на казаков пристальным и, как показалось умоляющим взглядом, совсем уж по-отечески сказал: – Берегите себя, прошу вас...

- Надеюсь, вы там не собираетесь сверкать желтыми лампасами и серебром погон? – с натянутой улыбкой – а в глазах-то тревога! - спросил Турик. - От редакции нашей газеты примите... и примерьте, - подойдя, вручил каждому по новенькому, еще шуршащему и пахнущему текстилем, камуфляжному костюму. – А это вам на расходы. Не ахти уж какие большие деньги – тут где-то по тысяче триста рублей на брата, но в дороге пригодятся...

- Все, помолясь, пора и в путь! – Атаман, а за ним и все остальные встали из-за стола.

*«...Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плешма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его...»*

- В аэропорту найдете вот этого человека, - Меринов протянул Вадиму записку, - он поможет с отлетом. И да храни вас Господь!..

Выйдя из управы, на остановке троллейбуса увидели яркий, довольно редкий плакат времён Великой Отечественной войны: *«Русский народ никогда не будет стоять на коленях»*. А рядом – листовка, из которой и узнали, что кроме трудовых коллективов, организовавших сбор материальной помощи Приднестровью, неким иркутским народно-патриотическим союзом организована туда и отправка ...добровольцев. Похвально. Но парней это же несколько и озадачило: что, любого? ...так сказать, прямо с улицы – без проверки, не зная человека? – это, судя по тексту:

*«...Доброволец должен:*

*- быть патриотом России;*

*- отслужить действительную военную службу;*

*- быть в возрасте для рядовых и сержантов от 20 до 40 лет, офицеров до 45 лет;*

*- быть не судимым;*

*- быть здоровым, желателен холостым и бездетным.*

*Отправка за счет патриотических взносов и пожертвований, содержание, обмундирование, вооружение – на месте средствами властей Приднестровской республики. При себе иметь паспорт и военный билет. Справки по телефону: 33-47-28.»* [\*Из листовки].

Аэропорт Иркутска, всё его многолюдье, в тот день было сплошным клубком нервов и «измены». Такое впечатление, что сознание людей затуманено тупым ожиданием и, сидя на баулах и чемоданах под большим плакатом со стандартно улыбающейся лощеной девушкой в кокетливой шапочке и синей форме Аэрофлота, призывающей экономить время и пользоваться услугами, они уже вообще не ощущали ни себя, ни времени. После нежного, но громкого бим-бом – радиосигнала «внимание», весь зал настораживался. Но бодрый, чуть напряженный женский голос невидимого диктора службы перевозок который раз уже оповещал задёрганных потенциальных пассажиров, что рейс номер... задерживается в связи с неприбытием самолёта, другой – по техническим причинам, а такой-то - ...хрен его знает, почему, но правдоподобное объяснение всегда находилось. Лишь после того, как изредка - «...Объявляется регистрация и посадка на рейс... за ...дцатое июня...», аэропорт выбрасывал на летное поле какую-то массу измочаленных людей. Сутки, а то и двое ожидания своего рейса – да что ж это делается?! – из людей действительно делали «массу»...

В кассе, как обычно в летнюю пору – все же в отпуск летят! – билетов нет. Оставив группу ждать в зале, Вадим с Владом уже около часа металась по аэропорту в поисках нужного человека, везде натываясь на одни и те же ответы: «Где-то здесь», «Недавно тут был», «Только что вышел»... И вдруг – «Да он уж час назад как домой ушел!» А ведь скоро уже объявят регистрацию очередного рейса на Москву!

- Влад, иди звони батьке, он еще должен быть в управе. А я загляну вот сюда... - Вадим устало кивнул головой в сторону двери с табличкой «Военный комендант». - Авось помогут...

- Разрешите? – открыв дверь, спросил Михайлов, и тут же, взглянув на коменданта, что-то подсказало ему: «Да, паря, эт-ты здо~~р~~ово сглупил, зайдя сюда...»

На Вадима, подняв несколько изумленный взгляд, в котором ясно читалось: «Кто это еще соизволил меня побеспокоить?», из-за стола как-то лениво и с явной долей высокомерия смотрел чернявый, но с большими залысынами на абсолютно круглом и лоснящемся лице со здоровым румянцем, офицер-авиатор с погонами майора на безупречно отутюженном кителе...

«Я его где-то уже видел», - тревожно мелькнуло в голове у Вадима. Время торопило. Поэтому он все же рискнул.

По-уставному поздоровавшись, представился и попросил помочь в скорейшем вылете группы в Москву, Киев, или в Одессу, кратко и напрямую сказал об истинной цели поездки в связи с последними событиями... Вадим старался быть убедительным, говорил горячо и искренне, но не успел он закончить, как майор, сидевший откинувшись на спинку кресла, и до этого молча слушавший, старательно пряча в уголках губ пренебрежительную улыбку, громко хмыкнув, перебил его:

- Что, казачкам в войнушку поиграть захотелось?

Как плетью хлестануло это Вадима, но он всё же сдержался.

- Товарищ майор, - произнес Михайлов глухим и размеренным голосом, стараясь не выказать раздражения и нанесенной обиды, - там людей безвинных убивают. Они помощи ждут! Там же и наши иркутяне гибнут!

- Ну и?.. Предлагаете и мне поучаствовать в ваших игрищах? - не убирая язвительной улыбки, произнес комендант. И уже нескрывая зло: – Клоуны! Никто их туда не посылал – сами! И армию в свои дурацкие игры не впутывайте! Так что, казачок, это уж их и твои проблемы. Я понятно сказал?!

Кровь ударила Вадиму в голову – такого он стерпеть уже не мог!

И тут, как вспышка – он вспомнил, где видел и слышал этого холеного, с неизменной ухмылкой хама, уверовавшего в свою безнаказанность... Ба, да это же «Мойша Ирод»! – майор Михаил Иродовский, прямо «в точку» прозванный так курсантами Иркутского военного авиаучилища, где тот был когда-то командиром роты. Ведь именно из-за него был вынужден уйти оттуда один из школьных питомцев-выпускников Михайлова, когда он был еще военруком школы.

- Что ты, ура-патриотик, ещё от меня хочешь? – повысив голос и в открытую хамя, спросил майор. – Чтобы я вас пожалел? – и холодно, не скрывая пренебрежения и своей раздраженности, бросил: – Свободен! Капитан, покажи ему выход!

Вадим оглянулся. За разговором он и не заметил, когда и как вошел и, с интересом слушая, стоял у двери капитан-авиатор с большим жетоном «Патруль» на кителе.

- Ну и коз-з-ёл же ты, Мойша! – презрительно глядя на коменданта, спокойным и тихим голосом, хотя внутри всё кипело, сказал Михайлов.

- Что-о-о-о?.. – с округлившимися глазами, до шеи заметно наливаясь краской, угрожающе-протяжным голосом прошипел майор, и, подавшись вперед, стал медленно поднимать свою ожиревшую тушку из-за стола... – Да я тебя-я-я!..

- Сидеть!!! – резко, как выстрел, рывкнул взбешенный Вадим и сделал шаг вперед...

От неожиданности комендант резко плюхнулся обратно, вжав голову в спинку кресла.

Уловив краем глаза, как шелохнулся стоявший у стены офицер, Михайлов быстро оглянулся и уже тихо сказал: – Спокойно, капитан, все в норме... – и тут же, с ворвавшимся в кабинет шумом зала, увидел в дверях Влада.

Вадим повернулся и, опершись кулаками о край стола, буквально навис над комендантом.

- Что, «Ирод», обоссался уже? Ведь «Иродом» же тебя кличут? Нет, тварь, ты не «Ирод», ты – Иуда!!! – Хлестал он словами майора. – Ты ведь предатель!!! Равнодушие – это тоже предательство! Такие, как ты, предали народ и, прикрывая свою задницу, потому как не имеют души, бросили его под пулеметы, предали нашу Армию и бросили тень на честь офицера! Да ты и чести-то никогда не знал!!! Скольким людям, скольким русским пацанам ты жизнь опаскудил! Что, нашел себе наконец-то тихое, сытое место? Вон как откормился на отправке «чартеров» на свою «историческую родину»! Тебя для чего поставили на эту должность?! – выкрикнул он в лицо коменданту, в глазах которого уже стоял страх и растерянность, и даже румянец исчез...

- Молчать!!! – гаркнул Вадим и с силой припечатал ладонь к столу, увидев, как майор шевельнулся и приоткрыл было рот... – И смотри, как ты охамел, не чувствуя отпора! Барином себя возомнил? Верно говорят, что безнаказанность порождает вседозволенность! Ты, видимо, еще никогда в чужих руках не обсирался?.. Запомни, подонок – верный сын «народа избранного», что с этого дня твой покой закончился! ...И даже не надейся – мы вернемся! И разговор у нас с тобой будет уже иным – разговор фронтовиков с зажавшейся тыловой крысой!..

По-строевому повернувшись, Михайлов пошел на выход, но в дверях вдруг остановился и бросил через плечо: – Кительними, иудёныш! Только Русский мундир позоришь!

Вместе с Вадимом вышел и Влад, изумленный увиденным, и до конца не понявшим, из-за чего и что произошло. Пропустив их вперед, за ними тут же шагнул и капитан – начальник патруля. Михайлов, все еще находясь во вздернутом состоянии, чувствовал, как его всего колотит изнутри...

- Казаки! Да подождите вы... – Их догонял тот капитан. – Пойдёмте-ка со мной, парни. Чем смогу – тем помогу!

Легкая улыбка пробежала по его лицу, когда уже подходили к дверям начальника смены аэропорта: – Ну ты даёшь, браток – так «комендача» разделал!.. – взглянул он на Вадима, но увидев его всё ещё хмурое лицо, добавил: – Да не беспокойтесь вы – улетите...

Вдруг в чередѣ других, передаваемых в аэропорту по радио, объявлений, услышали: «Пассажира Михайлова – старшего группы, вылетающей в Москву, просят зайти в комнату начальника смены. Повторяю...»

Так втроем и зашли туда. У начальника смены сидел тот, кого казаки так долго искали. И минут через пятнадцать вся группа была уже с билетами в Москву. Но отправить казаков оказалось возможным только двумя рейсами с интервалом в два часа. Отправив пятерых ближайшим рейсом, Михайлов, Смолин и Лекарев коротали время в зале ожидания. Вадим, еще находясь под впечатлением встречи с комендантом, подробно всё им рассказал.

- Эх, батька не знает об этом. Как бы он бы «сморщил» этого гада!.. – посетовал Влад.

- Да-а, надо бы... – задумчиво произнес Вадим, и вдруг озаренно: – О, есть одна идея! Влад, у тебя где-то тетрадка была, дай-ка мне её...

...Вадим буквально строчил, подробно описывая так встряхнувшую его встречу, намереваясь отправить это письмом, но тут, исписав уже несколько листов, увидел идущий по залу курсантский патруль, во главе с тем самым капитаном-авиатором.

Поначалу офицер был несколько удивлѣн, озадачен и даже смущѣн просьбой, но потом вдруг, хитро улыбнувшись и озорно сверкнув прищуром глаз, согласился:

- Ладно, сотник, раз мы с тобой забайкальцы – мало того, что, так сказать, коллеги по 23-ей воздушной армии, да ещё и служили рядышком – давай, передам письмо, да поговорю с твоим редактором...

Месяца через два после этого Вадим узнал, что капитан сдержал свое слово. Попросив, по понятным причинам, не раскрывать его имени, он передал письмо, рассказал и об увиденном в тот день, и о коменданте, как таковом.

Корреспондент, заинтересовавшийся этим материалом, провел дополнительно собственное журналистское расследование – военный комендант аэропорта оказался еще «той штучкой»!

Большая газетная статья о долге и службе Отечеству, о патриотизме и офицерской чести - и об их отсутствии! - вышла в дни, когда Иркутск всё еще пребывал под впечатлением, как никогда всколыхнувших его, похорон погибшего при штурме Бендерского моста казака Васильева. Статья рассказала о том, как иркутянин Николай Терехин с черноморским казаком – бендерчанином Валерой, «благодаря» еще одному такому же коменданту – уже столичного аэропорта, пробивали стену равнодушия и бесчеловечности, мытарясь сами, мытаря Сережку Васильева, упакованного в цинковый гроб... Этот шкурник-комендант, с грязных рук прикормленный коммерсантами, посчитал, что в Иркутск важнее доставить всякие там «сникерсы-тампаксы», «ригли-фигли-кэмэлы»...

Как рассказали после, особого труда и не составило, чтобы часть тиража той газеты попала в «Красные казармы» – иркутский военный авиагородок, дошло и до командования...

Что стало с тем майором – Вадим не знал. Но после, часто бывая в аэропорту Иркутска, он больше не видел его – на месте коменданта был уже другой офицер.

...Москву, можно сказать, они и не заметили – некогда было, торопились – с «Домодедово» на такси скорее на Киевский вокзал. И не зря – удача улыбнулась им: вот-вот отправится поезд до Одессы. Минут двадцать толкотни у касс и – опять повезло! – есть билеты! Плевать, что общий вагон – берѣм!

Высочили на перрон – поезд-то уже «под парами», и тут – прямо мистика какая-то! – по ушам со всей силы лупануло: **«Встань за Веру, Русская земля!..»** – это грянул марш «Прощание славянки». От неожиданности парни – будто на стену бетонную сослепу натолкнулись – аж опешили. На перроне во всю мощь начищенной меди играл небольшой духовой оркестр – уличные музыканты.

...Старый, добрый, всем известный, истинно русский, самый легендарный марш. Любой русский мужчина, даже не служивший в армии, слышав эту бравую, но щемящую душу мелодию, невольно приосанивается, расправляет плечи. Потому, наверное, что память веков, слава предков продолжают жить в нас – в наших генах.

Величавая музыка! А какие слова!.. Но все ли слышали их? – многие даже и не знают об их существовании!

Не всегда «совкам»-плагиаторам удавалось переделать песню, донельзя исказив её смысл, как, например, это случилось с маршем Дроздовского полка Добровольческой армии, превратившегося вдруг в строевую песню красноармейцев-дальневосточников «По долинам и по взгорьям...», или с уральской казачьей песней «Орлёнок», ставшей вдруг комсомольской. Да таких примеров – уйма! А бывало так, что слова «обновленной» песни просто не приживались – ну никак не принимал их народ! Вот тогда власть Советов, «зачищая» память людей, песню превращала просто в мелодию – а ещё говорят, что «слов из песни не выкинешь»?.. Так случилось и с «Прощанием славянки»: истинные слова этой всенародно любимой песни-марша долгие годы были под запретом.

Были у этого марша и другие слова, полные любви, гордости за Россию, душевной боли за её судьбу – слова забытые, но не потерянные, рожденные в далеком 18-м году в рядах Добровольческой армии. И вот тут, на Киевском вокзале Москвы, летом 92-го – они вернулись! Один из музыкантов, опустив саксофон, своим мощным басом торжественно выводил:

***«...Высоко ты главу поднимала,  
Словно солнце, твой лик воссиял.  
Но ты жертвою подлости стала  
Тех, кто предал тебя и продал.  
И снова в поход, труба нас зовет.  
Мы все встанем в строй,  
И все пойдём в священный бой.  
Встань за Веру, Русская земля!..»***

Дернув, локомотив оторвал вагоны от перрона. Покачиваясь на стрелках, поезд ускорял свой ход. Вот за окнами проплывают уже кварталы московской окраины... А в ушах, отзываясь в душе, всё ещё звучало: «...***Встань, Россия, из рабского плена,***

***Дух победы зовет: в бой пора!  
Подними боевые знамена  
Ради Веры, любви и добра!..».***

Перестук колес, повторяя, будто подпевал: в бой пора – в бой пора – в бой пора!..